

Редакционная статья / Editorial article

Особенности памяти о женском социальном прошлом и труд историка

Н.Л. Пушкарёва

Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН;
119334, Россия, Москва, Ленинский проспект, 32 а; pushkarev@mail.ru

Features of memory of female social past and labor of historian

Natalia L. Pushkareva

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology;
32 a, Leninsky Prospect, Moscow, 119334, Russia; pushkarev@mail.ru

Реконструкция прошлого, отличающаяся пристальным вниманием к гендерной проблематике, предполагает в идеале сложный процесс декодирования прочтенных текстов и особый подход к пониманию прочтенного, поскольку он должен быть нацелен на реконструкцию способов культурной репрезентации принадлежности к тому или иному полу, особенностей его восприятия в разные эпохи, нормирования поведения и образа мышления¹. Российская историографическая традиция, скованная в течение десятилетий требованием жесткого соответствия определенной теоретической парадигме, несколько утратила (даже когда прежние оковы и запреты пали) желание, да и способность выходить за рамки описательности. В этом ощущается, несомненно, отличие современных российских женских и гендерных исследований в истории от западных.

Однако фактографические наработки исследователей в этой области реально велики, причем историю их стоит начинать не с 1990-х гг., когда в стране родилось направление гендерной социологии, гендерной политологии или, скажем, изучения философии феминизма, а с XIX века, когда интерес русских бытописателей к изучению истории крестьянской семьи выявил особенности социального статуса в ней женщин. Если кому-то такой подход к истории науки покажется уж слишком расширительным, тогда историю изучения и научного анализа и научной памяти о женском социальном прошлом, пожалуй, стоит начать с зари советской эпохи, когда история женщин в нашей стране возникла и на долгие десятилетия обосновалась в научном поле как история революционерок.

Понятно, что женская история советской эпохи была политизированной историей, историей *решения женского вопроса в СССР*. Но не будь ее, трансфер идеи воссоздания картины женского социального прошлого, борьба со стереотипным представлением о том, что история не может быть «поло-детерминированной», а уж тем более введение в оборот российским историописанием новой

¹ При поддержке РФФИ, проект N 19-09-00191.

гендерной концепции, проходило бы с куда большими сложностями и препятствиями. Существование истории революционерок определило скорость освоения и, так сказать, «доместикации» новой западной идеи. И даже те российские ученые, которые ныне публикуют свои статьи по социологии гендера в социологических журналах, зачастую работают именно с фактическим материалом, собранным историками (подчас – много десятилетий тому назад) и введенным в научный оборот как раз в статьях и книгах по истории *решения женского вопроса в СССР*. Да и сами они, по сути, занимаются все той же гендерной историей...

Именно благодаря советской традиции изучения женского протестно-революционного прошлого (истории участия женщин в забастовках и стачках начала XX в., а затем истории женотделов и делегатских собраний), благодаря навыкам работы с документами, которое давало советское вузовское образование, и сформированной еще в те годы глубокой академической культуре, публикации по женской истории были достаточно многочисленными в нашей науке и весьма фундированными. Философам потребовались десятилетия, чтобы апроприировать концептуальный аппарат, начитать источники, а историки справились с этим буквально одномоментно. Однако если социологи и философы в итоге развивают именно направление гендерных исследований в своих науках, в науках о прошлом феминистский вызов историописанию почти не ощущается. Напротив, развивается *направление женской истории* с вкраплениями в нее некоторых гендерных аспектов или сюжетов, порою – методов, но в то же время нацеленное на создание альтернативного идеологизации и политизации подхода. Это создает исключительные возможности для научного эксперимента, апробации новых подходов, подлинной междисциплинарности.

В данном номере *Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: История России / RUDN Journal of Russian History* собраны материалы, посвященные теории женской истории, историографии этого направления в России и отчасти за рубежом. Представленные в этом выпуске статьи убедительно свидетельствуют о неисчерпаемости женской проблематики. И это при том, что в историческом сообществе в условиях консервативного поворота начала 2000-х гг. упорно складывается предубеждение касательно гендерной концепции как нерелевантной, не подходящей отечественному историописанию, готовому принять «женскую тему» только в ракурсе экономической истории, которая интересуется ею лишь в связи с социально-экономическим статусом женщин разных общественных страт.

Опираясь на разнообразные, в том числе архивные материалы, авторы журнала не только раскрывают новые грани гендера, но и дают оригинальные интерпретации женской темы в истории России. При этом плюрализм мнений, присущий «Вестнику», дает возможность объективно рассмотреть те аспекты гендерной проблематики, которые остаются неразработанными. Темы статей предложили сами авторы, исходя из собственных научных интересов и пристрастий.

Статья *Н.Л. Пушкаревой* «Эвристическая ценность автобиографий для гендеролога» представляет сравнение теоретических итогов автобиографических исследований, проведенных российскими и зарубежными учеными. В ней выявля-

ется и подчеркивается значение различных подходов, в том числе философского и психолого-лингвистического, при анализе жизненных историй вообще и женских жизненных историй в частности.

В весьма любопытной публикации *О.В. Чураковой* анализируются проблемы и перспективы использования письменных источников периода Первой мировой войны, создающих исключительные возможности для реконструкции гендерно-ориентированной истории эмоций. Ценным и перспективным представляется проведенное автором «ранжирование» эмоциональных сообществ по социальной принадлежности и «слышимости» голосов в истории – репрезентативности источников. В статье обращено внимание на то, что наименее представленным с точки зрения эмоций оказалось самое многочисленное сообщество России того времени – крестьянки, оставившие свои впечатления лишь в письмах на фронт. Да и из них сохранились только те, которые не пропустила цензура.

Историографический компонент выпуска представлен обзором публикаций по женской и гендерной истории России, выполненный *С.И. Реснянским* и *И.С. Амиантовой*. Авторы показали формирование современных подходов к изложению истории становления и развития гендерного дискурса. Вместе с тем в статье подчеркнута недостаточная изученность взаимодействия динамики гендера с особенностями исторического пути страны. По мнению авторов, в гендерных исследованиях ощущается дефицит внимания к деталям, что затрудняет выявление и экспликацию национальной специфики гендера.

В разделе «Женщина в труде» показаны исторические аспекты гендерной проблематики. Так, в статье *О.М. Морозовой, Т.И. Трошиной* и *Е.А. Ялозиной* рассматривается вовлечение женщин в сферу производства. Используя документальные материалы царского и советского времени, авторы сопоставили особенности не только хозяйственной деятельности женщин двух эпох, но и их отношение к труду и государственной власти.

Интереснейшая проблема формирования новой социальной группы – светской интеллигенции в мусульманской среде Поволжья начала XX в. – поставлена в статье *Л.Р. Габдрафиковой*. Опираясь на документы личного происхождения, а также на художественные произведения, автор показала те трудности, которые приходилось преодолевать учительнице национальных школ (мугаллиме), противостоявшей патриархальному обществу и косной бюрократии. Заслуживает внимания, да и дополнительной аргументации вывод автора, согласно которому татарские феминистки, с одной стороны, видели в работе мугаллимы альтернативу семье, а с другой, – ставили служение интересам нации выше частной жизни.

В.А. Верременко рассмотрела специфику социального положения женской домашней городской прислуги в пореформенной России. Используя широкий круг источников, включающий и эго-документы, автор констатировала их неравноправное социальное положение, отсутствие каких-либо гарантий со стороны работодателей, а также тяжелые бытовые условия, сопряженные с повсеместно встречавшимся сексуальным домогательством и жестоким обращением. Вместе с тем в статье отмечен низкий профессиональный уровень прислуги, набравшейся в основном из девушек-крестьянок. Автор подчеркнула способность части прислуги

ги не только адаптироваться к новой жизни, но и отстаивать свои права по мере роста образования крестьянской женской молодежи, знакомства ее с судебными учреждениями и активизации деятельности разного рода организаций, занимавшихся помощью служанкам.

Ранее неисследованную тему использования женского труда на государственной службе в конце XIX в. осветила *И.В. Синова*. Опираясь на архивные материалы, она показала, как под воздействием модернизационных процессов, изменения общественного сознания руководство Морского министерства постепенно стало привлекать женщин к работе на различных должностях. Вместе с тем автор обратила внимание на то, что использованию женского труда на государственной службе препятствовали как отсутствие законодательного регулирования, так и мужские предрассудки его руководства, вынужденного в силу объективных обстоятельств идти на уступки и принимать на службу четко ограниченное число женщин.

О.М. Семирикова на основании архивных материалов исследовала гендерный аспект в деятельности сельскохозяйственных трудовых коммун эпохи раннесоветского общества. Автор убедительно обосновывает обращение к теме не только фактическим отсутствием специальных работ, но и возможностью провести анализ соотношения мужского/женского в сельскохозяйственном коллективе, выявить влияние гендера на количественные и качественные показатели производства. Особый интерес теме придает то, что сельскохозяйственная коммуна рассматривалась как место социального эксперимента по созданию «нового» советского человека, в том числе «новой» советской женщины. Проведенное автором исследование позволяет рассмотреть принципиально важные аспекты советского эксперимента, в том числе и в сфере изменения социального статуса женщины в обществе. Автор обратила внимание на то, что выход женщины за рамки традиционных ролей наталкивался на живучесть патриархальных установок общества и, хотелось бы добавить, стереотипы сознания партийного руководства. Но сам поиск естественных границ в осуществлении концепта «новая советская женщина», выявление факторов, приводивших к разрыву между теоретическим проектом и реальными результатами его осуществления, открывает новые исследовательские перспективы.

В статье *Д.И. Наволоцкой* «Создание героини: трудовой рекорд Дуси Виноградовой» был проведен анализ реализации советского гендерного проекта в городской среде. Опираясь на значительную источниковую базу, включающую документы центральных и местных органов власти, периодическую печать, а также работы журналиста и историка-краеведа Т.Н. Лешукова, автор на примере конкретного производства показала отношения государства и рабочих в процессе организации социалистического соревнования, выявила взаимосвязь их интересов.

Таким образом, представленные в выпуске статьи посвящены различным аспектам женской и гендерной истории России. Каждый автор старался сказать свое слово и поделиться собственным видением перспектив разработки гендерной проблематики на материалах исторического прошлого. Можно надеяться, что они могут вызвать интерес у российских и зарубежных исследователей данной темы.

ENG

The reconstruction of the past, which is characterized by close attention to gender issues, involves a complex process of decoding the texts read and a special approach to their understanding, as it should be aimed at reconstructing the ways of cultural representation of belonging to a particular gender, the peculiarities of its perception in different eras, standardizing behavior and way of thinking. The Russian historiographical tradition, for decades constrained by the requirement of strict compliance with a certain theoretical paradigm, lost the ability to go beyond the descriptiveness (even when there were no longer prohibitions). Therein lies the difference of modern Russian women's and gender studies in history from Western ones.

However, the factual developments of researchers in this area are really great, and their history should be started not with the 1990s, when in the country there was established the direction of gender sociology, gender political science, or the study of the philosophy of feminism, but from the 21st century, when the interest of Russian researchers in the study of history of peasant family revealed the features of the social status of women in it. If such an approach to the history of science seems to someone too broad, then the history of the scientific analysis and scientific memory of women's social past should be started with the outset of the Soviet era, when the history of women in our country arose and for many decades established itself in the scientific field as the history of revolutionaries.

It is clear that women's history of the Soviet era was politicized; it was history of *solving women's issue in the USSR*. But for this subject, it would have been much harder to convey the idea of recreating the picture of women's social past, to fight against the stereotype that history cannot be "gender-determined", and even more so to introduce the new gender concept by the Russian historiography. The history of revolutionaries determined the rate of the development and, so to speak, "domestication" of the new Western idea. Even those Russian scientists who now publish their articles on sociology of gender in sociological journals often work with the factual material which was collected by historians (sometimes many decades ago) and introduced into scientific circulation in the articles and books on history of *solving women's issue in the USSR*. In fact, they themselves are engaged in gender history...

It is thanks to the Soviet tradition of studying women's protest and revolutionary past (history of women's participation in the strikes of the early 20th century, and then history of women's departments and delegate meetings), thanks to the skills of working with documents, which was provided by the Soviet university education, thanks to the profound academic culture established in those years, that the publications on women's history in our science were quite numerous and well-founded. It took philosophers decades to introduce the conceptual apparatus, to read sources; but historians did it instantaneously. However, whereas in their sciences sociologists and historians eventually develop the direction of gender studies, in the sciences of the past there was practically no feminist challenge to historiography. On the contrary, there is developing the *direction of women's history* with the inclusion of some gender aspects or subjects, sometimes

methods, but at the same time it is aimed at creating an approach which is an alternative to ideologization and politicization. This creates exceptional opportunities for scientific experiment, testing of new approaches, true interdisciplinarity.

In this issue of the *RUDN Journal of Russian History*, there are collected the works on the theory of women's history, the historiography of this direction in Russia and partly abroad. The articles presented in this issue clearly demonstrate the inexhaustibility of women's issues; and this despite the fact that in the historical community in the context of the conservative turn of the early 2000s, there was a persistent prejudice against the gender concept as irrelevant, not suitable for domestic historiography, which is ready to accept the "women's theme" only from the perspective of economic history and which is interested in it only in connection with the socio-economic status of women of different social strata.

Based on a variety of materials, including archival ones, the authors of the journal not only reveal new facets of gender, but also give original interpretations of women's themes in the history of Russia. At the same time, the pluralism of opinions inherent in the *Journal* makes it possible to objectively consider those aspects of gender issues that remain unexplored. The topics of the articles were suggested by the authors themselves, based on their own scientific interests and preferences.

Nataia L. Pushkareva's article "Autobiographies' heuristic value for genderology scientists (comparing the theoretical results of Russian and foreign autobiographical studies)" provides the comparison of the theoretical results of the autobiographical studies conducted by Russian and foreign researchers. It identifies and emphasizes the importance of different approaches, including philosophical, psychological and linguistic ones in the analysis of life stories in general and women's life stories in particular.

In the study by Olga V. Churakova, there are analyzed the problems and prospects of the use of written sources of World War I period, creating exceptional opportunities for the reconstruction of gender-oriented history of emotions. The author ranks emotional communities by social affiliation and "audibility" of voices in history that is the representativeness of the sources. This "ranking" is valuable and promising. The article draws attention to the fact that the least represented in terms of emotions was the largest community of Russia at that time – peasant women who left their impressions only in letters to the front. Moreover, there are preserved only those letters which were censored.

Sergey I. Resnyansky and Irina S. Amiantova have made a review of the publications on women's and gender history of Russia. The authors show the formation of the modern approaches to the presentation of history of formation and development of the gender discourse. At the same time, the article emphasizes the lack of study of the interaction of gender dynamics with the peculiarities of the historical path of the country. According to the authors, in the gender studies there is a lack of attention to detail, which makes it difficult to identify and explicate the national specificity of gender.

The section "Women in work" shows the historical aspects of gender problems. Thus, the article by Olga M. Morozova, Tatiana I. Troshina and Elena A. Yalozina examines the involvement of women in the sphere of production. Using the documentary materials of the tsarist and Soviet times, the authors compares the features of not only

economic activity of women of the two eras, but also their attitude to work and state power.

The significant problem of the formation of a new social group, namely the secular intelligentsia in the Muslim environment of the Volga region of the early 20th century, is raised in the article by Lilia R. Gabdrafikova. Based on the personal documents, as well as works of art, the author shows the difficulties that a teacher of national schools (*mugallima*) had to face; *mugallima* opposed the patriarchal society and bureaucracy. The author's conclusion is noteworthy: on the one hand, Tatar feminists considered the work of *mugallima* as an alternative to family, and on the other hand, they believed that the service to the interests of the nation was more important than private life.

Valentina A. Veremenko considers the specifics of the social status of female domestic urban servants in post-reform Russia. Using a wide range of sources, including ego-documents, the author emphasizes their unequal social status, lack of any guarantees from employers, as well as the difficult living conditions due to the widespread sexual harassment and ill-treatment. At the same time, the article notes the low professional level of servants recruited mainly from peasant girls. The author stresses the ability of some of the servants not only to adapt to the new life, but also to defend their rights as peasant young women got education, got to know the judicial institutions, and there intensified the activities of various organizations involved in helping servants.

Irina V. Sinova considers the previously unexplored subject of the use of female labor in the public service at the end of the 19th century. Based on archival materials, she shows that under the influence of modernization processes as well as changes in public consciousness, the authorities of the Ministry of Marine gradually began to employ women in various positions. At the same time, the author draws attention to the fact that the use of women's labor in the public service was hindered both by the lack of legislative regulation and by the male prejudices of the authorities, which due to the objective circumstances were forced to make concessions and employ a limited number of women.

On the basis of archival materials, Olga M. Semerikova studies the gender aspect in the activities of agricultural workers' communes of the early Soviet society. The author convincingly substantiates the choice of the topic not only by the virtual absence of special works, but also by the opportunity to analyze the male/female ratio in an agricultural team, to identify the impact of gender on the quantitative and qualitative indicators of production. Of particular interest to the topic is the fact that agricultural commune was considered as a place of social experiment to create a "new" Soviet person, including a "new" Soviet woman. The study conducted by the author allows us to consider the fundamentally important aspects of the Soviet experiment, including in the sphere of changing the social status of women in society. The author draws attention to the fact that women's going beyond the traditional roles encountered the persistence of the patriarchal attitudes of society as well as stereotypes of the consciousness of the party leadership. But the search for natural boundaries in the implementation of the concept "new Soviet woman", the identification of the factors which led to a gap between the theoretical project and the real results of its implementation, open up new research prospects.

In her article “Creating a Heroine: Dusya Vinogradova’s Labor Record”, Daria I. Navolotskaya analyzes the realization of the Soviet gender project in urban environment. The author conducted the research drawing upon a significant source base, including the documents of central and local authorities, periodicals, as well as the work of journalist and local historian T.N. Leshukova. On the example of a particular enterprise, the author shows the relationship of the state and workers in the organization of socialist competition; she also reveals the relationship of their interests.

Thus, the articles presented in the issue are devoted to various aspects of women’s and gender history of Russia. All the authors tried to share their own vision of the perspectives of gender problems development on the materials of the historical past. It is hoped that they may be of interest to Russian and foreign researchers of this topic.

© Пушкарёва Н.Л., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License